

А.А. Косицин*

ФИЗИОЛОГИЯ ПЕТЕРБУРГА В СБОРНИКЕ–МАНИФЕСТЕ ПИСАТЕЛЕЙ «НАТУРАЛЬНОЙ ШКОЛЫ»

В статье рассматриваются специфические способы репрезентации петербургского пространства в художественной практике писателей «натуральной школы», представивших первый опыт в сборнике-манифесте «Физиология Петербурга» (1845). На фоне формирующейся тенденции изображения Петербурга как города неповторимой красоты и «имперского подобия» писатели «натуральной школы» осмысливают его как место «неподобия», где человека более чем в каком-либо другом пространстве преследуют неудача, болезнь, смерть.

«Детищу» Петра – Петербургу – волей судьбы суждено было стать пространством, совместившим в себе кричащие противоречия. Образ города в русской литературе оформлялся в пределах от величавой, царственной столицы до негативного «недопространства», в котором нет места живому человеку; от роскошного «города-цветника» Г.Державина до «дымного», «тесного» и «душного» Петербурга Н.Коншина и смрадных, желтых улиц романов Ф.Достоевского. Для русского культурного сознания привычно сосуществование двух противоположных взглядов на Петербург, естественна его «двойственная», амбивалентная природа. Такая «двойственность» стала складываться со времени основания города, когда параллельно развивались две мифологические линии, приведшие в итоге к сотворению его сложного, неоднозначного образа. Одна была начата литературой, вторая – народным балаганом, и если первая творила миф о «Райской земле», то вторая – об «адском подземелье», постоянно напоминая о Конце Света. «Черный миф» Петербурга стал проникать в литературу в начале XIX века, он давал «ростки» и постепенно вносил все больше негативного в образ столицы. Существенная роль в утверждении отрицательного образа Петербурга принадлежит поколению писателей, пришедшему в 1840-е годы. Они развенчали «Райский миф» города, представив его как пространство бедных людей и нереализовавшихся надежд.

В 1830-1840-е годы литература ценностно осваивала географическое пространство города, воссоздавала его быт, нравы, урбанические особенности. Появился целый пласт произведений в жанре *физиоло-*

* © Косицын А.А., 2008

Косицин Андрей Александрович – кафедра русской и зарубежной литературы Самарского государственного университета

гических очерков, где описанию столицы, ее специфике и отличию от провинциальных городов уделялось повышенное внимание. Само определение «физиологический очерк» связано с прямым назначением литературного жанра — *дать объективно-научный анализ социальной жизни*. Активное развитие в то время физиологии — науки о жизнедеятельности организма — не могло пройти мимо искусства бесследно. Под ее влиянием человеческое общество стало рассматриваться и восприниматься в качестве живого организма; появилось предположение, что общественную жизнь, как и естественные процессы, можно познать научными методами. Возникновение жанра физиологического очерка было связано также со становлением в литературе нового — реалистического — художественного метода, наметившего своей целью правдивое, «детальное» изображение жизни и сосредоточившего внимание на бытовой ее стороне с присущими ей конфликтами, повседневными тяготами и «средними» проблемами.

Знаменательным литературным явлением, совместившим теорию и практику физиологического очерка, а также представившим грандиозный опыт описания столичного быта, стало издание в 1845 году альманаха «Физиология Петербурга». Почти все очерки не только были опубликованы в этом альманахе впервые, но даже и специально для него написаны. Любопытно, что описание Петербурга в них происходит посредством «сознательного клиширования». Стремясь передать атмосферу столицы с наибольшей достоверностью, писатели-очеркисты избирают знаковые и типичные для города характеристики: грязные улицы, темное небо, сырость, дождь, холод, теснота и т.д. Подобные свойства Петербурга «перекочевывают» из одного очерка в другой. Это приводит к тому, что в структуре различных произведений разных писателей оказываются задействованы одни и те же мотивы и образы, и сам Петербург таким способом выступает в сборнике подобием «адского подземелья», — это следствие его однообразного описания всеми авторами «Физиологии...».

Исследователь Петербурга Н.П.Анциферов справедливо писал, что «город мы воспринимаем в связи с природой, которая кладет на него свой отпечаток» [1.С.29]. Более развернутую методику исследования семантики Петербурга разработал В.Н.Топоров. Рассматривая в своих трудах генезис, структуру и сферу смыслов *петербургского текста*, он выделил «климатически-метеорологические», «ландшафтные» и «материально-культурные» элементы, которые наполняют Петербург особой спецификой [2]. К таким элементам-атрибутам петербургского пространства относятся: *дождь, пыль, туман, ветер, холод, грязь, цветовая гамма, однообразие местности, узость, теснота, скученность, муть, сырость, мгла, мрак, ночь, тьма* и т.д. Все они, включаясь в произведение и участвуя в описании города, насыщают его пространство определенными свойствами и смыслами. Далее мы рассмотрим, как это происходит в тексте «Физиологии Петербурга», и выявим спо-

собы репрезентации петербургского пространства, характерные для ее очерков.

«Физиология Петербурга» утверждает пространство столицы однозначно: Петербург — город «черни», «массовый город», где горожане *зжаты* имперской роскошью и парадностью, «недопространство», в котором «притесняется» душа. Поэтому свойственная героям *недостаточность места*, как правило, влечет совмещение физической и психофизиологической сфер. *Узость* и *теснота* как неперемные атрибуты петербургского пространства угадываются и в описании улиц с плотно расположенными друг к другу домами, и во внутренних переживаниях и настроениях героев. Тесно героям в омнибусе на восемнадцать мест: «Нас здесь четырнадцать... Как сельди в бочонке!» [З.С.200]. Ощущение *сдавленности* и *тяжести* чувствуют также и уставшие шарманщики: «партия шарманщиков повернула с грязного канала в узкий переулок, обставленный высокими домами. Шарманщики заметно устали. Один из них, высокий мужчина флегматической наружности, лениво повертывал ручкою органа и едва передвигал ноги» [З.С.99]. Чувство *тесноты* появляется у человека, когда ему надоедает то, чем он занимается, когда он устает от своего дела: «Удали его в дворниках тесно» [З.С.83], «гаер по призванию имеет всегда время отказаться от гаерства, коль скоро почувствует его тягостным. <...> и вы немало удивитесь, увидев того самого гаера, которым восхищались на дворе, который так ловко ходил на руках, держал на носу стул и повертывал на мизинце тамбуринов с шилом или ножницами в руках» [З.С.99]. Ощущения *узости* и *тесноты* поддерживаются также и особым «суженным» *хронотопом*, свойственным жанру физиологического очерка. Время и пространство в очерке всегда строго фиксированы, взяты в определенном моменте (с чем и связана особенность авторского видения в физиологическом очерке — *hic et nunc*).

Отношение к Петербургу как *бездушному и бездуховному пространству* отражено почти во всех произведениях сборника (только статья В.Белинского «Александринский театр» решает иные задачи и не относится к таковым). К осознанию *сниженной духовности* в столичной атмосфере зачастую примешивается авторская *ирония* (наиболее ярко это воплощено в очерках Е.Гребенки и Д.Григоровича). Д.Григорович в очерке «Лотерейный бал» иронично представляет Петербург как духовный центр: «В Петербурге (не говоря уже о других городах России) с наступлением 17 сентября происходит несравненно более движения, нежели в остальные обыкновенные дни» [З.С.224]. У Е.Гребенки иронично описывается подчиненность горожан природным циклам: «Летом вся вообще Петербургская сторона оживает вместе с природой. Дачемания, болезнь довольно люто свирепствующая между петербургцами, гонит всех из города» [З.С.114]; «С появлением первых желтых листьев на деревьях дачники, словно перелетные птицы, перебираются в центр города» [З.С.115].

Мотив *болезни*, распространенный в произведениях «Физиологии...», внутренне связан с целой серией мотивов (*обман, разочарование, старость, увядание, смерть* и т.п.), но всегда это так или иначе связано с пространством: «На Петербургской вы найдете несчастных аферистов, но только аферистов, совершенно уничтоженных аферами <...> (NB. Чуть аферист начнет оживать – сейчас же бросает Петербургскую сторону; говорят, для них там нездоров климат и неспособно местоположение.)» [З.С.113]. «Сравнив существенность с моей прежней мечтой, сравнив виденное со слышанным от бабушки и чиновника, я на опыте изведal справедливость пословицы покойного отца Петра *видение паче слуха*» [З.С..108], – говорит герой, приехавший в Петербург и разочаровавшийся в нем (к тому же, разочарование, постигшее героя, это также в несколько иной форме представленное «притеснение» его души).

Об «увечности» петербургского пространства свидетельствует также следующее: 1) состояние *полумрака*, в котором *сливаются зрительные и слуховые ощущения* («Высокие стены домов, изредка освещенные тусклым блеском фонарей, кажутся еще чернее неба; местами здания и серые тучи сливаются в одну массу, <...> холодный ветер дует с силою и, забиваясь в ворота, стонет жалобно» [З.С.105]); 2) выраженная *чужеродность* Петербурга героям «Физиологии...» («может быть, в эту самую минуту, продрогший от холода, усталый, томимый голодом, одинокий среди безжизненной природы» и «каким ветром занесен он бог знает куда, на чужбину, где ни слова ласкового, ни улыбки приветливой» [З.С.106]); 3) *неприятный запах, зловоние*, а также *неприятный и нежелательный звук* («Дом, на двор которого я вошел, был чрезвычайно огромен, ветх и неопрятен; меня обдало нестерпимым запахом и оглушило разнохарактерным криком и стуком» [З.С.132]). Все эти признаки в узко-ужасном пространстве Петербурга могут усиливаться, но не ослабевать: «Я вошел и увидел опять двор, немного поменьше первого, но в тысячу раз неопрятнее» [З.С.133].

Порядок очерков «Физиологии...» (*композиция альманаха*) также является одним из способов репрезентации петербургского пространства. Посмотрим, как происходит представление Петербурга читателю, что дает ему такая последовательность произведений и авторов.

Вслед за «Вступлением», в котором В.Белинский в общем объясняет цели и задачи литературы и сборника в частности, начинается *сотворение Петербурга*. В начале «Физиологии...» – пространство, исследуемое критиком-очеркистом, разделяется на «небо и землю» – Москву и Петербург. После того как объяснено преимущество последнего в плане жизненной активности (Петербург «требует дела» [З.С.72]), появляются *люди*, которые начинают наполнять избранное пространство, пытаются навести в его хаотической природе порядок, обжить его: дворники метут улицы, производят уборку города (*Луган-*

ский), шарманщики наполняют его музыкой, уличные гаеры – удивлением и смехом (*Григорович*). Далее город наполняется *жизненным дыханием*: полнится слухами, историями, случаями и сплетнями (*Гребенка*), появляются запахи, звуки, цвета (*Некрасов*), яркоосвещенный Александринский театр и медленно собирающаяся в него толпа (*Белинский*), карточные игры, драматические и сатирические спектакли (*Некрасов*), хулиган в переполненном омнибусе, изгнанный пассажирами за нарушение всеобщего спокойствия (*Говорилин*), подробно представляется мир петербургской литературы (*Белинский*), показывается празднование именин Веры, Надежды, Любви и Софии (*Григорович*) и, наконец, последний очерк вновь повергает пространство Петербурга в первородный хаос...

В Петербурге, рассматриваемом через определенную последовательность очерков, сведены воедино «начало» и «конец» мира. Последнее звено «Физиологии...» – очерк Ив. Панаева «Петербургский фельетонист» – представляет судьбу талантливого писателя, который, деградируя, изживает в себе *человеческое* и пропадает без *вести* в столичной среде. Так замыкается начавшаяся сотворением мира и человека *общая история* «Физиологии...». Поэтому сам альманах в целом можно рассматривать как *историю испарения человеческого в «недопространстве»*, и все это согласуется с эсхатологическим мифом Петербурга о том, как космос растворяется в хаосе, одолевается им. Если В. Белинский в первом очерке «Петербург и Москва» пишет, что Петербург «требуется дела» [З.С.72], то в последнем очерке Ив. Панаев сообщает, что его герой «бездельно шатается» [З.С.268]. Это указание Ив. Панаева есть зеркальное отражение (со знаком «минус») заданных в начале В. Белинским «законов», развенчание творимого Высшей волей мира.

Так, пространство Петербурга утверждается в «Физиологии...» как место, непригодное и неприспособленное для жизни человека, как *расподобляемое пространство*. Его существенными характеристиками в «Физиологии...» становятся *черное небо, тусклый блеск фонарей, серые тучи, узкий переулок, стон, стук, крик, нестерпимый запах, теснота, болезнь, усталость* и др. Таким образом, писатели-очеркисты творят «черный миф» Петербурга как своими произведениями, так и всей композицией сборника в целом.

Библиографический список

1. Анциферов, Н.П. Непостижимый город / Н.П. Анциферов. – СПб., 1991.
2. Топоров, В.Н. Петербургский текст русской литературы / В.Н. Топоров. – СПб., 2003.
3. Физиология Петербурга. – М., 1984.

A.A. Kositsin

**PHYSIOLOGY OF ST. PETERSBURG IN THE COLLECTION–
MANIFEST OF «NATURAL SCHOOL» WRITERS**

In this article the author inspects specific methods of representation of the space of St. Petersburg in artistic practice of the writers of «natural school» performed their experiment in collection of manifests called «Physiology of St. Petersburg» (1845). On the background of developing tendencies of portrayal of St. Petersburg as «imperial likeness» the writers of «natural school» describe it as the place of «unlikeness», where an individual is more persecuted by failure, illness and death than anywhere else.

Статья принята в печать в окончательном варианте 14.01.08 г.